

Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РОССИЯНОК СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ФРОНТОВИКАМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

doi: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-104-112

УДК 94(470)“1914/1918”

ББК 63.3(2)534

В статье анализируются формы медико-социальной помощи женщин в прифронтовых районах в условиях Первой мировой войны. Используется подход гендерной истории и концепция «тотальной войны». Исследование основано на материалах административных, благотворительных, медицинских фондов Государственного архива Смоленской области и личных фондов Российского государственного военно-исторического архива. Военное время создавало условия для активного вовлечения женщин в решение медико-социальных задач, что меняло их социальные роли, расширяло возможности для реализации гендерной идентичности. Патриотический подъем россиянок был обусловлен не феминистским движением, а сформировавшейся филантропической традицией. Одной из форм вовлечения женщин в социальную жизнь прифронтового региона стала их руководящая деятельность в местных комитетах общероссийских организаций. Важным направлением женского активизма стало самостоятельное открытие лазаретов и госпиталей. Военное время способствовало продвижению женщин в медицинской профессии. В условиях нехватки мужчин-врачей женщины занимали должности хирургов. Сестры милосердия, с одной стороны, являлись выражением женской эмансипации. Но с другой — распределение труда, культивируемый образ сестер милосердия имел эссенциалистскую основу, так как в них стремились видеть не столько профессиональные качества, сколько милосердие. Сестринство в дореволюционной России так и не сложилось в профессиональную организацию, основываясь на добровольчестве и православном служении. В деятельности общественных организаций, лазаретов сохранялась этническая и религиозная сегрегация.

Ключевые слова: *сестры милосердия, Первая мировая война, гендерная история, социальная история медицины, лазареты*

«Женщины и война» — актуальное исследовательское направление в рамках социальной, культурной истории войн, возникшее в американской и западноевропейской историографии 1970-х гг. под влиянием успехов гендерной истории. Данное направление показывает, как изучение истории женщин во время военных действий меняет понимание войны и ее последствий для отдельных категорий населения.

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
E-mail: pushkarev@mail.ru

Мицюк Наталья Александровна — д.и.н., доцент кафедры философии, истории медицины, биоэтики, Смоленский государственный медицинский университет (г. Смоленск)
E-mail: ochloktratia@yandex.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-31-01020-ОГН «Взаимодействие государства и провинциального общества в формировании национальной модели медико-социальной работы России в XIX — начале XX в.» (рук. — Н. А. Мицюк); грант № 19-09-00191 «Женская социальная память как консолидирующий потенциал многопоколенной семьи, укрепление государственности и российской нации (XVIII—XXI вв.)» (рук. — Н. Л. Пушкарева)

Представленная публикация продолжает исследование повседневной жизни россиянок в условиях Первой мировой войны.¹ Цель статьи — изучение форм вовлечения женщин в организацию медико-социальной работы с военным и гражданским населением. Географическая локация исследования — Смоленская губерния — один из первых регионов, в котором стала разворачиваться мобилизация, куда направлялись раненые и беженцы, а также медицинские кадры. Прифронтовой Смоленск был одной из важнейших тыловых баз Западного фронта.

Мы придерживаемся концепции «тотальной войны», предложенной социальными историками, согласно которой военные действия и повседневная жизнь людей неразрывно переплетены и испытывают взаимные

¹ См.: Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Princeton, 1991; Щербинин П. П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2004. № 3. С. 42–49; Романишина В. «Мы, женщины свободной России, не хотим быть рабами немцев...» // Родина. 2014. № 11. С. 21–26; Stoff L. S. Russia's Sisters of Mercy and the Great War. More Than Binding Men's Wounds. Kansas, 2015; Абашева Ж. В. Московский женский батальон смерти в годы Первой мировой войны: из истории создания // Псков. воен.-ист. вестн. 2015. № 1. С. 137–141.

влияния.² Не менее актуальным для нас явился гендерный подход (в контексте концепция «войны и гендера»), который позволяет выявить влияние войны на гендерные стереотипы в обществе, на социальные нормы и роли, связанные с гендером.³ Военное время размыкает традиционные гендерные роли, мобилизуя женский потенциал, что оказывает существенное влияние не только на войну, но и на повседневную жизнь поствоенного времени. Гендерный подход предполагает, в частности, изучение следующих вопросов: где находились женщины во время войны и чем они были заняты; как они переживали военные конфликты; какие последствия имела война для положения женщины в обществе. Эти методологические установки позволяют сделать женщин «видимыми» в социальной истории переломных эпох.

Первая мировая война вызвала небывалый всплеск «женского патриотизма» в регионах России, находившихся в непосредственной близости от театра военных действий. Английские и французские исследователи подчеркивают, что женский патриотизм явился продолжением и выражением европейского феминистского движения: женщины надеялись, что их участие в патриотическом движении в будущем расширит их политические права и профессиональные возможности.⁴ Однако патриотический подъем среди россиянок был выражением не столько эмансипации женщин, сколько сформировавшейся в интеллигентской среде филантропической традиции провинциального общества, когда участие в благотворительном движении рассматривалось как важная сфера женской идентичности, связанной с религиозностью.⁵ Ввиду близости от фронта боевых действий и наличия железнодорожной развязки ряд регионов находился в эпицентре тыловой работы, требовавшей организации различных социальных служб. Одной из важнейших сфер деятельности женщин

в тылу стала медико-социальная работа с населением. Анализ именно медицинской сферы женского участия позволяет выявить процесс трансформации гендерных стереотипов в области профессиональной деятельности.

Основными источниками исследования явились материалы фондов Государственного архива Смоленской области (ГАСО), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), периодической печати (газета «Смоленский вестник» (СВ) за 1914–1917 гг.).

С вступлением России в войну 1 августа (19 июля по старому стилю) 1914 г. в Смоленской губернии стали реализовываться экстренные меры по подготовке к военному времени. В городе и губернии дислоцировался 13-й армейский корпус, возглавляемый М. В. Алексеевым. Вскоре остро встала проблема организации медико-санитарной работы с ранеными, первая партия которых поступила уже 8–9 августа 1914 г. В условиях военного времени медицинская помощь находилась в уязвимом положении: лучшие врачи были отправлены на фронт, существующих медицинских учреждений катастрофически не хватало. Жители прифронтовой губернии столкнулись и с такими проявлениями войны, как большое количество беженцев, переселенцев, что требовало активных действий по оказанию им помощи. Органы городской и земской медицины не могли справиться с задачами по оказанию медицинской помощи раненым и беженцам. Сложившаяся ситуация создавала благоприятные условия для вовлечения женщин провинции в работу медико-социальных служб, для проявления инициативы и активной гражданской позиции.

Медико-социальная помощь женщин через благотворительные организации

В условиях ограниченности ресурсов для оказания медико-социальной помощи раненым воинам особым образом была использована деятельность благотворительных организаций, подавляющая часть которых — женские. Война способствовала расцвету женских организаций, росту активизма женщин в условиях сохранения патриархатных установок. Американский историк Дж. Гольдштейн полагает, что война открывала новые горизонты для женщин, в определенном смысле освобождала их, раскрывая патриотический подъем в категориях радости.⁶

² См.: Thébaud F. Understanding twentieth-century wars through women and gender: forty years of historiography // *Clio. Women, Gender, History*. 2014. № 39. P. 154–178.

³ См.: Grayzel S. R. *Women's Identities at War: gender, motherhood, and politics in Britain and France during the First World War*. Chapel Hill, 1999; Goldstein J. S. *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge, 2001; Hämmerle C., Uberegger O., Bader-Zaar B. *Gender and the First World War*. New York, 2014.

⁴ См.: Goldstein J. S. *Op. cit.*

⁵ См.: Мицюк Н. А. Женщины российской провинции XIX — начала XX в.: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск, 2013; Она же. «Вера, Надежда, Любовь». Патриотизм смолян в условиях военного времени дореволюционной России // *Родина*. 2013. № 9. С. 92–96.

⁶ См.: Goldstein J. S. *Op. cit.*

В прифронтовых губерниях в короткие сроки развернули деятельность столичные женские благотворительные общества, возглавляемые представительницами дома Романовых. Среди общероссийских женских организаций в Смоленске действовали местные отделения Общины сестер милосердия Российского общества Красного Креста (РОКК); отделения Зеленого Креста, возглавляемого великой княгиней Милицей Николаевной; отделение Комитета великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию помощи лицам, пострадавшим от военных действий; отделение Комитета великой княгини Марии Павловны по снабжению воинов теплой одеждой; отделение Комитета княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. На местах инициатива была подхвачена интеллигентными женщинами, преимущественно дворянками, уже известными своей филантропической деятельностью. Они возглавляли отделения, комитеты, входили в административные, финансовые службы.

Известные дамы-благотворительницы, жены чиновников активно вливались в организованные государством институты поддержки армии. В короткое время был открыт Временный комитет по организации в городе Смоленске помощи раненым. Его возглавила супруга генерала от инфантерии Анна Николаевна Алексеева. Административная работа предполагала решение вопросов, ранее относившихся к «мужским»: нужно было организовывать сборы средств, открывать пункты по заготовке одежды и провианта, осуществлять взаимодействие с властными структурами, связываться с полками действующей армии, вести отчетную документацию, координировать деятельность местных комитетов и др.

Одним из основных направлений деятельности А. Н. Алексеевой был сбор пожертвований, к которым она привлекала различные социальные слои губернии. Анализ военных выпусков газеты «Смоленский вестник» показал, что широкомасштабные сборы средств для нужд армии проводили именно женщины, используя всевозможные варианты привлечения средств. Стилистика «женских» обращений отличалась повышенной эмоциональностью: «Граждане. Наступили холода. Стынет земля. Свищет ледяной ветер... Предохраним же от холода наших защитников... Пусть, идя в бой или лежа в холодных окопах, они знают, что

за ними и с ними вся Россия. Понесем скорее на сборные пункты теплое белье, теплые вещи. Понесем деньги — кто сколько может. Каждый рубль и каждая копейка превратятся в тепло для озябших».⁷ Список «жертвователей» регулярно размещался на страницах местной прессы. Анализ списков показывает, что подавляющее большинство их — женщины.

Еще одним направлением деятельности А. Н. Алексеевой была организация приема раненых на вокзале и их продовольственное снабжение. Было установлено регулярное дежурство членов Комитета на вокзале. Среди пожелавших дежурить было много женщин-врачей. Вскоре А. Н. Алексеева возглавила и продовольственный пункт на вокзале, из которого выделялись продукты всем прибывающим и проезжающим раненым.

Деятельность А. Н. Алексеевой была удостоена вниманием императрицы, которая направила в ее адрес телеграмму с благодарностью. В ответном письме она обратилась к Александре Федоровне с просьбой именовать госпиталь, открытый при Временном комитете, «госпиталем имени наследника Цесаревича».⁸ В условиях войны подобные обращения подчеркивали патриотический настрой и верноподданические чувства общества. Госпиталь стал одним из первых заведений, которые посетил император во время визита в Смоленск 20 ноября 1914 г.⁹

Если в довоенное время женщины редко возглавляли благотворительные общества, чаще становясь их почетными членами, то в условиях войны происходила феминизация таких организаций. При этом стирались представления о гендерных ролях: женщины из благородных сословий включались в административную, финансовую, хозяйственную работу. Женщины принимали на себя ответственную работу, которой в мирное время занимались исключительно мужчины. Известное в Смоленске Благотворительное общество вскоре после начала войны возглавила жена губернатора Елена Андреевна Булгакова. Практически вся деятельность общества была ориентирована на оказание помощи действующей армии и на медико-социальную работу с семьями призванных на фронт. В начале 1915 г. благодаря ее активной деятель-

⁷ Алексеева А. Теплые вещи // СВ. 1914. № 267. С. 4.

⁸ Высочайшая телеграмма // СВ. 1914. № 239. С. 3.

⁹ См.: Пребывание государя императора в Смоленске // СВ. 1914. № 284. С. 1.

ности в Смоленске был открыт Романовский комитет, состоявший под покровительством императора, ориентированный на оказание всесторонней помощи военным и раненым.¹⁰

В. Н. Тугаринова, жена уполномоченного Российского общества Красного Креста по Смоленской губернии, возглавила Комитет для снабжения действующей армии теплой одеждой.¹¹ В состав Комитета вошли содержательница частной женской гимназии Е. Г. Швиттау, известная своей филантропической деятельностью И. Д. Глинка, а также З. Г. Ежовская, Е. П. Пацевич, П. П. Соболевская и др. В. Н. Тугаринова многократно выступала с трогательными призывами к населению жертвовать деньги, провиант, теплые вещи, книги, бумагу: «Находясь за сотни верст от театра военных действий, мы, дети великой матери — России, можем выполнить наш долг перед нею...»¹² Председательница Комитета активно осваивала новый способ сбора пожертвований вещами — «объезд города с фурами».¹³

Организованные комитеты, как правило, возглавляли жены высокопоставленных военных и чиновников, тем самым выражая верноподданнические и патриотические чувства. С назначением 1 сентября 1915 г. смоленским губернатором К. А. Шумовского все полномочия по управлению Комитетом для снабжения действующей армии теплой одеждой он передал своей жене Марии Николаевне Шумовской. Согласно отчетной документации, ей удавалось привлекать к щедрым жертвованиям состоятельных людей Смоленска (торговцев, промышленников, банкиров).¹⁴

Председатель Николо-Погореловского комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам и семействам призванных на войну Е. М. Яковлева одна из первых в губернии стала проводить работу по социальной поддержке не только раненых и воинов, но и их семей. Ее деятельность была замечена первыми лицами государства. Сохранился текст телеграммы Николая II в адрес Е. М. Яковлевой: «Очень тронут и сердечно благодарю Николо-Погореловский комитет за молитвы, выражен-

ные чувства и заботы о наших раненых героях и их семействах».¹⁵

Наряду с благотворительными комитетами в Смоленске, в уездах стали возникать местные дамские кружки по сбору средств, одежды и продуктов для действующей армии. Все чаще дамы предпочитали называть свою самоорганизацию не «кружками», а в духе военного времени — «комитетами». Они возникали практически в каждом уездном городе без специальных на то указаний «сверху», что являлось сильным аргументом в пользу высокого уровня гражданского самосознания женщин в провинции.

Уникальность дамских комитетов состояла прежде всего в том, что всю работу выполняли именно женщины, которые демонстрировали самоотдачу и высокую интенсивность труда. «Дамские кружки» отличались демократичностью состава: привлекались не только интеллигентные женщины, но и крестьянки, мещанки. Работа строилась на добровольной и безвозмездной основе, в отличие от отделений столичных комитетов, в которых административные работники, сестры милосердия получали жалованье. Дамские комитеты занимались широким спектром деятельности. Они были ориентированы на сбор средств и провианта, пошив теплых вещей для армии, особенно среди крестьянского населения.

Если «дамские кружки», возникшие в ходе русско-турецких войн, были ориентированы на помощь раненым в больницах, их транспортировку, то во время Первой мировой войны руководители дамских комитетов инициировали открытие госпиталей, привлекая к участию местных благотворителей, самостоятельно руководя медицинской и административной частью. В уездном городе Рославле представительницам дамского комитета удалось организовать лазарет для раненых на 70 кроватей, дом для которого был бесплатно предоставлен местными купцами.¹⁶ Дамский комитет был образован в Ельне и Дорогобуже. Основная их деятельность состояла в сборе пожертвований, а также в организации больничных дежурств.¹⁷ Неофициально дамское общество (комитет) по помощи раненым воинам было сформировано в Юхнове.¹⁸ Благодаря ему

¹⁰ См.: Булгакова Е. От председательницы благотворительного общества // СВ. 1915. № 65. С. 2.

¹¹ ГАСО. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 1, 2.

¹² Тугаринова В. Н. Граждане Смоленска! // СВ. 1914. № 252. С. 4.

¹³ В кружке для снабжения действующей армии теплой одеждой // СВ. 1914. № 238. С. 3.

¹⁴ ГАСО. Ф. 1373. Оп. 1. Д. 2. 1916. Л. 122.

¹⁵ Местная хроника. Телеграмма Верховного главнокомандующего // СВ. 1915. № 26. С. 2.

¹⁶ См.: Рославль. Лазареты // СВ. 1914. № 248. С. 3.

¹⁷ См.: Н. Г. Помощь раненым. Ельня // СВ. 1914. № 221. С. 4.

¹⁸ См.: Л. Г. Юхнов. Раненые // СВ. 1914. № 211. С. 4.

в здании общественного клуба был организован лазарет. Не только интеллигентные женщины, но и простые крестьянки организовывали свои кружки, нацеленные преимущественно на заготовку провианта.¹⁹

Активная деятельность женщин, вызванная патриотическим подъемом, демонстрировала рост гендерного самосознания, стремление осваивать новые социальные роли и статусы. В то же время в мужском представлении присутствовали неоднозначные оценки женского участия. С одной стороны, в адрес женщин поступали многочисленные письма от офицеров и солдат, в которых они выражали восхищение и признательность.²⁰ С другой — оценка женской деятельности в прессе носила на себе отпечаток патриархальных установок авторов-мужчин. Организаторов дамских комитетов обвиняли в желании «прославиться», в недостаточности самоотверженной деятельности, в «индифферентизме», в медлительности и безразличии.²¹

Частные госпитали и лазареты, основанные женщинами

Отдельной сферой проявления женского патриотизма явилось участие в основании частных госпиталей. Женщинам удавалось не только выполнять всю административную работу, связанную с открытием медицинских учреждений, но и демонстрировать нестандартные подходы к решению насущных проблем. Первый частный госпиталь в Смоленской губернии был организован княгиней Марией Клавдиевной Тенишевой вскоре после начала войны, 6 августа 1914 г.²² Она опередила в своем начинании многие государственные подразделения. 12 августа 1914 г. М. К. Тенишева и Е. К. Святополк-Четвертинская основали второй лазарет в Смоленске под флагом Зеленого Креста и покровительством Комитета великой княгини Милицы Николаевны.²³ В своих воспоминаниях она писала: «С первого дня объявления войны... я решила устроить в Смоленске лазарет... Мне удалось узнать

о начале войны еще за два дня до официального ее объявления. Я тот час же телеграфировала одному хорошему знакомому, петербургскому врачу, чтобы он купил для меня все необходимое оборудование для лазарета...»²⁴ Заведующей лазаретом стала сама М. К. Тенишева, которая непосредственно руководила его деятельностью и самостоятельно организовывала медицинскую службу. Согласно замыслу основательницы, лазарет состоял из двух палат по 10 коек в каждой. В отдельной комнате разместилась операционная, а также было выделено место для изготовления материалов.²⁵

М. К. Тенишева, осознавая значение передовой техники в лечении тяжелораненых, выступила с крайне важной инициативой обустройства рентгеновского кабинета. Она привлекла к сбору средств знакомых благотворителей, а также земство.²⁶ Всего была собрана сумма в 3 200 руб. Первый рентгеновский кабинет в губернии был открыт в конце сентября 1914 г. в помещении лазарета М. К. Тенишевой.²⁷ К услугам рентгеновского кабинета прибегали все городские лазареты, команда выздоравливающих города Смоленска и воинские части, расположенные в губернском центре и Рославле.

Княгиня самостоятельно формировала медицинский корпус лазарета. На должность хирурга, по рекомендации столичного профессора Г. Ф. Цейдлера, она пригласила одну из лучших его учениц, Нину Виссарионовну Сергиевскую, что само по себе было смелым поступком, так как в то время в России все еще с предубеждением смотрели на женщин-врачей, особенно хирургов. Н. В. Сергиевская трудилась в различных госпиталях города, участвовала в работе перевязочного пункта, несла ночные дежурства.²⁸ М. К. Тенишева пригласила в Смоленск молодого выпускника Московского университета — Александра Генриховича Гржбовского, который специализировался на проведении рентгеновских снимков, являясь единственным в городе специалистом подобного рода. После того как в ноябре 1914 г. А. Г. Гржбовского призвали в действующую армию «зауряд-врачом», М. К. Тенишева лично обращалась к верховному начальнику санитарно-эвакуационной

¹⁹ См.: На нужды войны // СВ. 1914. № 241. С. 4; Заготовка белья раненым // СВ. 1914. № 241. С. 4.

²⁰ Журналы 51-го очередного Сычевского земского собрания. 27, 28 сентября 1915. С. 31, 32.

²¹ См.: Чужой. В дамском кружке // СВ. 1914. № 306. С. 3.

²² См.: Местная хроника // СВ. 1914. № 164. С. 2; Лазареты в Смоленской губернии // СВ. 1914. № 254. С. 3.

²³ См.: Лазарет кн. М. К. Тенишевой // СВ. 1914. № 184. С. 2; Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Смоленск, 1914. Вып. 1. Ноябрь. С. 10.

²⁴ Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. Л., 1991. С. 261.

²⁵ См.: В. К. В лазаретах // СВ. 1914. № 187. С. 2, 3.

²⁶ ГАСО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 5. Л. 242.

²⁷ См.: Обзор деятельности по оказанию помощи... С. 13.

²⁸ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 667. Л. 1–3.

части принцу А. П. Ольденбургскому с просьбой оставить врача в Смоленске.²⁹ Ей удалось добиться того, что А. Г. Гржбовский был откомандирован в Смоленск.

Одной из проблем была доставка раненых в лазареты от железнодорожной станции. Военных доставляли на случайных повозках, выделенных органами местной власти, общественными организациями или частными лицами. М. К. Тенишева фактически изобрела первый автомобиль скорой помощи, переоборудовав салон своего личного авто. Она наладила своего рода службу доставки раненых, по любому звонку направляя авто на вокзал, в другие лазареты для доставки больных в рентгеновский кабинет.

Княгиня принимала участие в повседневной жизни раненых солдат и офицеров. Далекая от медицинской работы, М. К. Тенишева на протяжении 13 месяцев буквально ежедневно жила нуждами лазарета. Она координировала прием раненых, организовывала их лечение, связывалась с различными инстанциями города в поисках материала для перевязок, медицинского спирта, медицинских карточек, бензина для автомобиля и пр. Среди раненых лазарета были люди различных национальностей («русские», «с восточным происхождением», «литовцы»), из разных уголков России (из Ставропольской, Воронежской, Кутаисской, Тамбовской, Тульской, Смоленской губерний).³⁰ Это доказывает, что в лазарет привозили преимущественно тяжелораненых, так как в распределении раненых существовал принцип: в Смоленске оставлять призывников исключительно из Смоленской губернии (других транспортировали в столицу или родные губернии) или тяжелораненых. За время существования тенишевского лазарета была оказана помощь пяти офицерам и 209 нижним чинам; не было отмечено ни одного летального исхода.

По примеру М. К. Тенишевой в губернии стали открывать лазареты частные лица.³¹ Многие женщины живо откликнулись на предложение Всероссийского земского союза предоставить помещения для размещения ра-

неных. Анна Павловна Есипова предложила большой зимний дом в имении Фомино Смоленского уезда. Софья Александровна Игельстром предоставляла в распоряжение Земского союза несколько флигелей в имении Вонлярово. Она обязалась также самостоятельно организовать патронат над ранеными. Ольга Николаевна Фон-Майер, проживавшая в имении Яковлевичи Ельнинского уезда, предложила взять на полное содержание трех раненых.³² Организовать патронат над ранеными в своих имениях предлагали Л. В. Вонлярская, Е. В. Козьминская. Не только состоятельные люди открывали лазареты, но и женщины среднего и вполне скромного достатка предлагали размещать в принадлежавших им комнатах «кровати» для раненых. Среди предоставлявших помещения, «кровати» и уход за ранеными были, конечно, и мужчины, но численность женщин явно преобладала.

Женщины ломали стереотипы в отношении возможных для них сфер деятельности. Как правило, лазареты возглавляли мужчины. Однако в связи с нехваткой административного персонала среди мужчин нередко эта социальная роль переходила к женщинам. В. В. Иванчина возглавила два лазарета — госпиталь кооперативов и «Толстовский лазарет». Открытым в августе 1914 г. «Толстовским лазаретом» управляли исключительно лица женского пола — помощница заведующей А. И. Соколова, заведующая канцелярской частью Г. В. Терехова. Практически все врачи были женщины, корпус сиделок был сформирован из «интеллигентных женщин»,³³ которые часто не имели профессиональной подготовки, но видели в бесплатном уходе за ранеными акт социального служения.

Важно отметить конфессиональное обособление медико-социальной помощи. Существовали трудности включения еврейских, католических общин в благотворительную деятельность православных русских организаций. Эта особенность была отмечена американской исследовательницей Л. Стоф, изучавшей деятельность российских сестер милосердия во время Первой мировой войны.³⁴ В Смоленской губернии были организованы лазареты

²⁹ См.: Обзор деятельности по оказанию помощи больным и раненым воинам по Смоленской губернии. Смоленск, 1915. Вып. 2. Янв. С. 18.

³⁰ См.: Лазарет кн. М. К. Тенишевой // СВ. 1914. № 267. С. 3.

³¹ ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 334–335. 1914 г.; Новиков А. Лопатинский лазарет // СВ. 1914. № 306. С. 2, 3; Сычевка (Лазареты) // СВ. 1914. № 253. С. 4; Лазареты в Смоленской губернии // СВ. 1914. № 254. С. 3.

³² ГАСО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 7. 1914. Л. 1–20.

³³ В лазаретах // СВ. 1914. № 189. С. 2, 3.

³⁴ См.: Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. «Не только перевязка мужских ран...»: историко-антропологическое исследование медицинского сестринства в годы Первой мировой войны // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 244–252.

Польского, Евангелическо-лютеранского, Римско-католического, Еврейского обществ.

*«Триумф» женщин-врачей
и сестер милосердия*

Влияние военного фактора на продвижение женщин в медицинской профессии было значительным. Более полувека женщины боролись за право на получение высшего медицинского образования, затем за возможность занимать врачебные должности наравне с мужчинами. Несмотря на все попытки, до начала Первой мировой войны встретить женщин среди хирургов было практически невозможно. Они занимали менее престижные должности, выбирали те специализации, которые не котировались среди врачей-мужчин. По мнению американского историка Л. Линеман, «для женщин-врачей война принесла триумф».³⁵

Значительные усилия медико-социальной работы в регионе были направлены на подготовку новых медицинских кадров. В условиях нехватки мужчин-врачей ставка была сделана на привлечение выпускниц столичных медицинских вузов и на ускоренную подготовку корпуса сестер милосердия. Важнейшим центром женского филантропического движения в условиях военного времени стала Община сестер милосердия, которую возглавляла Ольга Александровна Вонлярлярская. Именно Община прилагала немало усилий для комплектования медицинского персонала. В первые месяцы войны Община командировала на фронт более 30 сестер милосердия, оставив в Смоленске 20 сестер, в связи с чем О. А. Вонлярлярская стала инициатором открытия многочисленных ускоренных курсов сестер милосердия (она их называла «сестры милосердия военного времени»³⁶). На курсы записывались женщины из различных социальных слоев, но доминировали представительницы православной конфессии.

Среди медицинского персонала военного времени в гендерном отношении преобладали представительницы женского пола. К концу 1914 г. в лазаретах Смоленска трудились 64 врача (17 из которых были женщины), 55 фельдшериц, 152 сестры милосердия.³⁷ Женщины осваивали «неженские» врачебные специаль-

ности. Впервые в Смоленске появились женщины-хирурги, среди которых упоминавшаяся выше Нина Виссарионовна Сергиевская, Лидия Ивановна Орлова. Нехватка врачей в военное время давала возможность многим вчерашним выпускницам медицинских институтов получить место врача. Во многих лазаретах трудился исключительно женский персонал, часто на безвозмездной основе. К примеру, в частном лазарете Н. Н. Лопатина все заботы о раненых лежали исключительно на плечах женщин — врача О. П. Черепниной, которая не брала плату за свою деятельность, заведующей хозяйственной частью А. С. Тимошиной и сестер милосердия (Е. М. Сеньковская, И. Н. Янская, М. П. Юшкевич).³⁸ Известная в Смоленске врач-акушер Мина Александровна Дыхно трудилась в губернской земской больнице, в госпитале Всероссийского земского союза, имела частную практику.³⁹ Врачом межездного врачебного пункта в Николо-Погорелом Дорогобужского уезда на протяжении всей войны была Екатерина Борисовна Филатова-Сокольская.

В смоленских лазаретах среди женщин-врачей появлялись беженки. Известно, например, что в лазарете Красного Креста трудилась госпожа Пиотровская, которая стала свидетельницей «калишских ужасов».⁴⁰ В условиях нехватки квалифицированных мужчин в сельской местности начальницами лазаретов становились женщины, что также было новым явлением в распределении гендерных ролей провинциальной России.⁴¹

Постепенно медицинская профессия всё больше приобретала женское лицо. Сестринство являлось высшим проявлением личного социального служения и добровольчества. Женщин не принимали в армию (за редкими исключениями), однако повседневная монотонная тяжелая жизнь, связанная с уходом за ранеными, превращалась в своеобразное поле битвы за жизнь человека.⁴²

В отличие от британских и американских сестер милосердия, чья работа не предполагала нахождения в районах боевых действий, российские сестры трудились в эпицентре и непосредственной близости от боевых дей-

³⁵ Leneman L. *Medical Woman at War, 1914–1918* // *Medical History*. 1994. № 38. P. 161.

³⁶ Вонлярлярская О. А. От общины сестер милосердия // *СВ*. 1914. № 201. С. 2, 3.

³⁷ См.: Лазареты для раненых в Смоленске // *СВ*. 1914. № 273. С. 3.

³⁸ См.: Новый лазарет // *СВ*. 1914. № 241. С. 3; Новиков А. Указ. соч. С. 2, 3.

³⁹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 662. 1917. Л. 1–3.

⁴⁰ См.: Т. К. Еще о калишских ужасах // *СВ*. 1914. № 211. С. 2, 3.

⁴¹ ГАСО. Ф. 369. Оп. 1. Д. 5. Л. 400; Журналы 51-го очередного Сычевского земского собрания. 27, 28 сентября 1915. С. 23, 7.

⁴² См.: Кар В. Силуэты перевязочного пункта // *СВ*. 1914. № 241. С. 3, 4.

ствий.⁴³ Сестры милосердия, находившиеся на полях сражений, несмотря на патриотический настрой, признавались в невероятной тяжести своего труда. Для них война превращалась в кошмар, отделявший их жизнь от беззаботной повседневности девиц из благородных сословий. Строки письма безымянной сестры милосердия из Смоленска наполнены глубокими переживаниями: «Вот уже три месяца я среди тяжкой обстановки войны. <...> С июля... по 6 октября я работала в В. в военном госпитале. Работали мы без отдыха, принимая раненых, делая операции и перевязки. День и ночь непрерывно грохотали орудия в течение 7 дней, и неприятель был так близко, что ежечасно ждали его вторжения... Окна дребезжали от грохота канонады, а нам несли и везли все новых и новых раненых... Потом я ездила на поезде, забирая раненых с поля сражения... Здоровая и буду работать до конца войны (дай Бог ей скорого конца) — но душа болит и болит...»⁴⁴ О тяготах женского сестринства писала доброволица М. В. Правоторова: «Временами крайне подавленное состояние духа, частые головокружения, одышка, сердцебиение при ходьбе, плохой сон и аппетит, боли в ногах».⁴⁵

Несмотря на активное привлечение сестер милосердия к медико-социальной работе в прифронтовых районах, сестринство в Рос-

сии так и не сложилось в профессиональную организацию: оно рассматривалось не столько как профессиональная деятельность, сколько в качестве добровольного акта православного служения. Сестры милосердия получали символические суммы за широкий фронт работ. Сестра милосердия из Петрограда М. В. Адамович в письмах к брату описывала ночные дежурства, поскольку днем вынуждена была заниматься переводами, чтобы прокормить себя: «Есть у нас больница для лежачих, приходится там дежурить, еще есть перевязочная, где приходится раны перевязывать, промывать... Знаешь сколько лично на моих руках умерло? — 164 человека... на мне лежит вся чистая и грязная работа, в том числе мытье столов, табуретов, посуды».⁴⁶ Именно эта особенность отличала российских сестер милосердия от британского и американского сестринства, сложившегося к началу XX в. в мощную профессиональную организацию.⁴⁷ Возглавлявшая Общину сестер милосердия в Смоленской губернии О. А. Вонлярлярская в своих публикациях и речах доказывала важность расширения участия сестер в медицинской работе, как в военное, так и в мирное время. Но даже она связывала этот труд не с увеличением женских трудовых прав, а с природной предрасположенностью женщин к уходу, материнской заботе.

Natalia L. Pushkareva

Doctor of Historical Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Russia, Moscow)
E-mail: pushkarev@mail.ru

Natalia A. Mitsyuk

Doctor of Historical Sciences, Smolensk State Medical University (Russia, Smolensk)
E-mail: ochlokratia@yandex.ru

WOMEN OF SMOLENSK PROVINCE MEDICAL AND SOCIAL ASSISTANCE
TO WORLD WAR I FRONT-LINE SOLDIERS

The article analyzes the forms of medical and social assistance provided by women in the frontline areas during World War I. The approach of gender history and the concept of “total war” is used. The study is based on materials of administrative, charitable, medical funds of the State Archive of the Smolensk Region and personal funds of the Russian State Military Historical Archive. The wartime created conditions for active involvement of women in the direct solution of medical and social tasks, which changed their social roles, expanded the possibilities for realizing gender identity. The patriotic upsurge of Russia’s women was not due to the feminist movement, but to the established philanthropic tradition. One of the forms of women’s involvement in social life of a front-line region was their leadership in local committees of all-Russian organizations. An important direction of female activism was setting up hospitals. The wartime contributed to the advancement of women

⁴³ См.: Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Указ. соч. С. 244–252.

⁴⁴ Н. Н. Письмо сестры милосердия // СВ. 1914. № 270. С. 3.

⁴⁵ ГАСО. Ф. 864. Оп. 1. Д. 6. Л. 124.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 424. Л. 43, 1190б.

⁴⁷ См.: Stoff L. S. Op. cit. P. 17, 18.

in the medical profession. For lack of male doctors, women occupied the positions of surgeons. On the one hand, the sisters of mercy were an expression of female emancipation. But on the other hand, the cultivated image of the sisters of mercy had an essentialist basis, since they tended to be seen from the standpoint of mercy rather than that of professional qualities. Nursing care in pre-revolutionary Russia failed to develop into a professional organization being based on volunteering and Orthodox service. Public organizations and hospitals persisted ethnic and religious segregation in their activities.

Keywords: *sisters of mercy, World War I, gender history, social history of medicine, hospitals*

REFERENCES

- Abasheva Zh. V. [Moscow Women's Death Battalion during the First World War: the History of Creation]. *Pskovskiy voyenno-istoricheskiy vestnik* [Pskov Military Historical Journal], 2015, no. 1, pp. 137–141. (in Russ.).
- Goldstein J. S. *War and Gender: How Gender Shapes the War System and Vice Versa*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 395 p. (in English).
- Grayzel S. R. *Women's Identities at War: gender, motherhood, and politics in Britain and France during the First World War*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1999, 334 p. (in English).
- Hämmerle C., Uberegger O., Bader-Zaar B. *Gender and the First World War*. New York: Palgrave MacMillan, 2014, 365 p. (in English).
- Leneman L. Medical Woman at War, 1914–1918. *Medical History*, 1994, no. 38, pp. 160–177. (in English).
- Mitsyuk N. A. ["Vera, Nadezhda, Lyubov"]. Smolensk women patriotism in wartime conditions of pre-revolutionary Russia]. *Rodina* [Motherland], 2013, no. 9, pp. 92–96. (in Russ.).
- Mitsyuk N. A. *Zhenshchiny rossiyskoy provintsii XIX — nachala XX v.: vospitaniye, obrazovaniye, sotsiokul'turnoye prostranstvo i povsednevnyaya zhizn' (na materialakh Smolenskoy gubernii)* [Women of the Russian province of the 19th — early 20th century: upbringing, education, sociocultural space and everyday life (on the materials of the Smolensk province)]. Smolensk: Svitok Publ., 2013, 416 p. (in Russ.).
- Mitsyuk N. A., Pushkareva N. L. ["More than binding men's wounds...": a historical and anthropological study of nursing care during World War I]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2018, no. 2, pp. 244–252. (in Russ.).
- Romanishina V. ["We, women of free Russia, do not want to be the Germans' slaves..."]. *Rodina* [Motherland], 2014, no. 11, pp. 21–26. (in Russ.).
- Shcherbinin P. P. [Women in the Russian army during the First World War of 1914–1918]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities], 2004, no. 3, pp. 42–49. (in Russ.).
- Stites R. *The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930*. Princeton: Princeton University Press, 1991, 512 p. (in English).
- Stoff L. S. *Russia's Sisters of Mercy and the Great War. More than Binding Men's Wounds*. Kansas: University Press of Kansas, 2015, 384 p. (in English).
- Thébaud F. Understanding twentieth-century wars through women and gender: forty years of historiography. *Clio Women, Gender, History*, 2014, no. 39, pp. 154–178. (in English).